УДК 94 (461, 22)
5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

А.Я. Цечоев
Северо-Кавказский федеральный университет

ИНТЕГРАЦИЯ ИНГУШЕЙ В СОСТАВ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.: КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Предметом научного анализа в статье является интеграция ингушей в состав Российской империи в XIX – начале XX вв., где особый акцент делается на материальном и духовном аспектах. Акцентируется внимание на факторах, способствовавших интеграционным процессам.

Ингуши, культурная интеграция, роль России, экономика, религиозная идеология.

Уровень культурного развития этноса является одним из важных критериев социально-экономических достижений и базисом, определяющим другие компоненты этноса, такие как политический строй и общественная структура, идеология, ментальность и другие. В контексте интеграции ингушей в состав России культурный аспект представляет собой актуальность тем, что позволяет отслеживать качественную и количественную динамику в интеграционных процессах.

Мощным фактором для культурного прогресса ингушей стали миграции на плоскость, обусловленные малоземельем, ростом населения, экстенсивной технологией производства, а следовательно, дефицитом материальных ресурсов. В литературе встречаются разные мнения относительно хронологии миграций. По утверждению Б.К. Далгат, «ингуши начали выселяться на плоскость лет 200 тому назад, т.е. приблизительно с начала XVIII столетия…» [3, с. 69]. М.М. Зязиков отмечает, что начало миграций относится к XVI в. [6, с. 71]. В другом исследовании отмечается, что «не позже середины XVI в. начинаются миграционные процессы, связанные с колонизацией ингушами плоскостных земель» [7, с. 194]. Эти и подобные версии миграций не противоречат нашему пониманию, так как переселения происходили не единовременно, а представляли собой процесс, который продолжался разными темпами и интенсивностью в продолжении XVI–XIX вв.

Политическое вхождение ингушей в состав России в 1770 и по договору 1810 г. для ингушей стало переломным моментом в культурном прогрессе, так как обеспечивало самосохранение и безопасность для дальнейшего стабильного развития. Соответственно, в связи с миграциями на плоскость у ингушей наметились заметные подвижки во всех сферах культурной жизни, и в первую очередь материально-технической. Условия жизни на плоскости качественно отличались от горных, в том числе климатическими и природно-географическими, а потому на равнине «весь скот почти круглый год довольствуется на подножном корме, подкармливается сеном и отчасти зерном (исключительно кукурузой) только скот, употребляемый на работы» [1, с. 46]. Соответствующие изменения наблюдались также в земледелии. Так, горцы-ингуши арендовали на плоскости у терских казаков поля под посевы, в ходе которых перенималась культура земледелия. Так, была перенята система оборота в землепользовании: «По истечении некоторого времени, обыкновенно 3–5 лет, сенокос идет под выгон, выгон под распашку, а пахота под сенокос» (Там же, с. 35). Тем самым, перенималась технология землепользования с соблюдением севооборота, что стало существенным прогрессом в экономическом производстве и способствовало ее интенсификации.

Наиболее наглядно изменения, обусловленные миграциями на плоскость, У. Лаудаев представил на примере чеченцев: «успехи (в земледелии. – *А. Ц.*) поставили плоскостных чеченцев выше их горных братьев; перенимая от соседей все лучшее и полезное, они усовершенствовались в нравах, обычаях и общежитии, даже самый язык их, состоявший из природно-подражательных звуков, делается благозвучнее. Они во всем превосходят своих горных братьев…» [10, с. 22]. Аналогия между чеченцами и ингушами в данном случае прямая.

Миграции сопровождались торговыми и культурными отношениями с плоскостными жителями и в большей степени с казацкими станицами.

Новый импульс торгово-экономическому сотрудничеству в регионе и культурной синергии ингушей с другими плоскостными жителями придало основание крепости Владикавказ в 1784 г., а потому «многие хозяйства стали процветать благодаря торговле. Ярмарки у Владикавказской крепости значительно облегчили жизнь простого населения» [6, с. 74].

Плоскостные жители возделывали преимущественно кукурузу, которая использовалась не только в пищу, но также имела значительную промысловую выгоду. Первоначально пшеничный хлеб ингушами приобретался в казацких станицах, «куда они сбывают продукты своего хозяйства и промышленности» [1,

с. 41]. Как отмечает М.М. Зязиков, «в истории Ингушетии XVIII–XIX вв. переход на равнину сыграл очень важную положительную роль. Веками стесненные в ущельях и блокируемые там сначала степняками, а затем кабардинскими феодалами, ингушские горцы жили в сложных условиях» [6, с. 118].

С переходом под российское подданство ингуши получили несомненное преимущество – безопасность, важный фактор для социально-экономического и культурного прогресса.

Культурной инновацией для ингушей в период интеграции в российское государство стало огородничество и бахчеводство, навыки возделывания которых они перенимали у казаков. На плоскости выращивали арбузы и дыни, нередко отличающиеся высокими качествами, а также огурцы и подсолнухи. К тому же бахчеводство постепенно обретало промысловый характер: арбузы и дыни разводились по преимуществу для сбыта, который для них всегда был обеспечен на Владикавказском базаре и приносил иногда хороший заработок.

Экономической и культурной инновацией для ингушей в составе России было развитие промыслов, которых в горных условиях за отдельным исключением отсутствовали. Традиционно устоявшимся из промыслов у этноса было строительство башен. По мнению известного исследователя Е.И. Крупнова, «ингушские боевые башни являются в подлинном смысле вершиной архитектурного и строительного мастерства древнего населения края <…> для своего времени были подлинным чудом человеческого гения» [9, с. 71].

С вхождением в состав России в начале XIX в. возможности для развития промыслов существенно возросли. Непосредственное соседство с казачеством предоставило больше возможностей для такого развития. Появление новых видов промыслов было обусловлено местом локализации народа, географическими и климатическими возможностями. Новым видом промысла для ингушей стал сбыт леса во Владикавказе, от которого извлекали достаточную выгоду. Это вид промысла был существенным подспорьем для хлебопашества и скотоводства. В частности, джераховцы и мереджинцы в этом находили дополнительные источники дохода: «первые сбывают во Владикавказе на базарах камень и лес, вторые довольно выгодно пользуются соляными колодцами, выменивая в Чечне и других соседних местах соль на хлеб» [2, с. 10–11]. Выгода от промыслов для этих обществ была достаточной, что они «совсем не занимаются хлебопашеством». В Ингушетии было несколько источников по добыче соли: в Датыхском районе, в Галашкинской даче, на правом берегу р. Асса, в так называемой Соляной балке – в 40 верстах к востоку от Владикавказа [12, с. 300]. То есть, наряду со сбытом делового леса, отдельные общества сбывали также камень и извлекали выгоду от соляных месторождений, от чего культура народа прогрессировала достаточно интенсивными темпами.

Промысловая выгода леса стала причиной обретения ингушами новых лесных участков у казаков, когда «ингуши покупают лесные участки у соседних казачьих станиц; в этих участках они добывают хорошие дрова и бревна для построек и все это сбывают по преимуществу во Владикавказе, где цены на лесной материал стоят всегда очень высокие» [1, с. 36].

Наряду с лесом и строевым материалом предметом извлечения промысловой выгоды стало сено для прокорма скота. Отдельные общества ингушей из числа плоскостных жителей стали заготавливать сенаж не только для прокорма собственного скота, но и на продажу во Владикавказе, и, по свидетельству современника, «большая часть сена идет на продажу, а меньшая – на прокорм собственного скота» (Там же).

Прогресс экономики объективно был обусловлен развитием металлообработки, что поднимало культуру этноса на новый уровень. Сведения о кузнечном деле сохранились в разных источниках. Кузница (пхьоале), как правило, возводилась на краю поселения. Внутреннее убранство кузницы в с. Салги подробно описал О.В. Маркграф: «Крыша земляная. Размер помещения – около 20 кв. аршин, высота в 1 сажень. В центре мастерской… незначительное углубление, часть которого покрыта доской… вставленной в кусок бревна, лежащего на полу, и имеющей длину пять вершков; часть того же бревна выдолблена для воды. Мастерская имеет два меха, изготовленные самим владельцем. К двум параллельно и вертикально вбитым в землю шестам примыкает плоский камень, нижняя часть которого представляет собой полукруг. На камень кладется древесной уголь. Позади камня на земле лежат два меха, причем острые концы их обращены к месту, где находится уголь» [11, с. 12]. Эта мастерская была передана кузнецу дедом, и она, по традиции, переходила сыну, внуку и т.д. [13, с. 20].

Металлические средства производства существенно повышали производительность в экономике в целом и сельском хозяйстве в особенности. «Из металла делали орудия труда, изделия сельскохозяйственного назначения и многое другое. К примеру, основу бороны (маккха) делали из дерева, а зубья – из металла» [5, с. 134].

Здесь же необходимо отметить, что металл и его обработка оказали существенное влияние на социально-экономический и культурный прогресс. Относительно плоскостных чеченцев в XVIII в. Б. Далгат отмечал, что «вскоре соха заменяется у них плугом (от русских), народ окреп и политически, улучшилось и его материальное благосостояние. Соседи почувствовали к чеченцам полное уважение» [3, с. 57]. Это тезис возможно и правомерно экстраполировать на ингушей, которые исторически имели много общего с чеченцами, в том числе в хозяйственно-культурном отношении. Также известно, что у ингушей под влиянием казачества и на фоне развивающихся монополистических отношений в России земледелие постепенно приобретало интенсивный характер. Во второй половине XIX в. стали применяться новые, более совершенные орудия производства, а также стали использоваться методы ведения хозяйства. Так, с 80-х гг. XIX в. у ингушей стали использоваться плуги фабричного

производства, а также появляются фабричные косы, серпы, жатки.

Для молотьбы зерна стали применять разные методы, когда наряду с молотильными досками стали использовать молотильные катки. Зажиточные ингуши имели конные и паровые молотилки. Следует заметить, что использовать новую технику могли далеко не все представители народа из-за ее дороговизны. Например, сноповязалка стоила 335 руб., жнейка – 160 руб., сенокосилка – 125 руб., конные грабли – 55 руб. [8, с. 304]. Однако появление и использование передовой техники и технологии было свидетельством о скором грядущем переломе в экономике и, соответственно, культурном прогрессе народа.

Очевидным свидетельством культурного прогресса ингушей в составе России было то, что во второй половине XIX в. здесь начинают возделывать новые культуры, такие как подсолнечник и кукуруза, которые имели промысловый характер. «Излишки сельскохозяйственных товаров, особенно кукурузы, вывозились на рынки в русские крепости и поселения, прежде всего во Владикавказ» [7, с. 285].

Прогресс в сфере материальной культуры происходил наряду с развитием духовной, наиболее наглядной сферой которого являлась религия ингушей. Российская империя, естественно, была заинтересована в том, чтобы в пределах всего государства господствовала единая идеология как консолидирующий фактор. Для этого российские власти использовали многие средства на Кавказе. Однако практика показала иной расклад, и ингуши определили для себя ислам в качестве единой религиозной идеологии. Противостояние с разной интенсивностью продолжалось в течении всего XIX в., к концу которого очевидным стало то, что ингуши, вопреки всем усилиям российских властей, отстояли свое право на вероисповедание в пользу ислама. По этому поводу Г.А. Вертепов писал: «Магометанская религия все глубже и глубже проникает в массы и постепенно уничтожает следы, как язычества, так и христианства. …Нет фактов, чтобы магометане или даже только подвергшиеся влиянию магометане принимали христианство, но есть указания, что язычники-ингуши, даже и бывшие христианами, обращены в магометанство» [1, с. 58].

Заслуга России в том, что, вопреки своим имперским интересам, она не стала насильно и вопреки воле внедрять в духовную культуру ингушей христианство, а, напротив, российские власти поддержали их религиозный выбор. Более того, российские власти выделяли средства на открытие исламских образовательных учреждений, что свидетельствует о гуманизме по отношению к местному населению. В конце XIX в. в описании И. Пантюхова эти школы выглядели так: обучение для девочек и мальчиков было раздельным, девочки 10–13 лет, а мальчики от 6 до 14–15 лет. «Девочек было до 15, а мальчиков 30. …лица у детей осмысленные, внимательные и далеко более красивые… Все одеты довольно чисто. По-русски ни мулла, ни дети не знали ни слова». Чтобы проверить оспопрививание, «я осмотрел у мальчиков руки, причем из 30 только у семи было по одному, реже по два значка привитой оспы».

«В сел. Гамурзиевском 67 детей обоего пола возраста 6–12 лет. Дети не запуганы, а смотрят смело и бойко». Как только мулла по моей просьбе сделал знак, «в школе поднялся такой гвалт, что ничего нельзя было разобрать: дети выкрикивали один другого лучше… Привитых от оспы оказалось 5» [1, с. 65]. Как следует из источника, российские власти проявляли заботу о состоянии здоровья детей ингушей.

Подобных условий для получения как религиозного, так и светского образования на рубеже XIX–XX вв. не было в центральных губерниях России, а также в казацких станицах на Северном Кавказе. Таковы были результаты культурной интеграции в состав России на демократических принципах одного из малых народов Северного Кавказа – ингушей. Спецификой такой интеграции стала консолидация ингушей на основе единой исламской религии, и «только следуя принципам единства и солидарности, ингуши могли обеспечить историческое выживание своего этноса в сложнейших катаклизмах их исторической судьбы» [4, с. 73].

Таким образом, культурная интеграция ингушей в состав Российской империи обусловила значительный социально-экономический прогресс народа. Главным итогом интеграции следует признать то, что за относительно короткий исторический период – XIX век, уровень социально-экономического и культурного развития ингушей почти сравнялся с общероссийским, что было следствием вхождения в Российскую империю. Существенной особенностью культурной интеграции было то, что ингуши сохранили свои религиозные предпочтения в пользу исламской религии и не потеряли ментальную идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вертепов, Г. Ингуши (Историко-статистический очерк) / Г. Вертепов, И. Пантюхов // Сказания об ингушах. – Майкоп, 1991. – С. 5–49.

2. Грабовский, Н. Ф. Экономический и домашний быть жителей Горского участка Ингушевского округа / Н. Ф. Грабовский // ССКГ (Сборник сведений о Кавказских горцах). – Тифлис, 1870. – Вып. III. – С. 1–25.

3. Далгат, Б. К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892–1894 гг. / Б. К. Далгат. – Москва, 2008. – 380 с.

4. Дзарахова, З. М.-Т. Константы национального характера и менталитета ингушей / З. М.-Т. Дзарахова // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 4. – С. 72–78.

5. Дзарахова, З. М-Т. Традиционные ремесла / З. М-Т. Дзарахова // Ингуши / ответственный редактор М. С.-Г. Албогачиева, А. М. Мартазанов, Л. Т. Соловьева. – Москва, 2013. – С. 129–147.

6. Зязиков, М. М. Традиционная культура ингушей: история и современность / М. М. Зязиков. – Ростов-на-Дону, 2004. – 314 с.

7. История Ингушетии : коллективная монография / ответственный редактор Н. Д. Кодзоев. – 4-е изд. – Ростов-на-Дону, 2013. – 600 с.

8. История народов Северного Кавказа (с древнейших времён до конца XVIII в.). – Москва, 1988. – 544 с.

9. Крупнов, Е. И. Средневековая Ингушетия / Е. И. Крупнов. – Москва, 1971. – 208 с.
10. Лаудаев, У. Чеченское племя / У. Лаудаев // ССКГ. – Тифлис, 1872. – Вып. VI. – С. 1–27.
11. Маркграф, О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа / О. В. Маркграф. – Москва, 1882. – 145 с.
12. Мартиросиан, Г. К. История Ингушии. Материалы / Г. К. Мартиросиан. – Орджоникидзе, 1933. – 322 с.
13. Чахкиев, Д. Ю. Древности горной Ингушетии / Д. Ю. Чахкиев. – Магас, 2003. – Т. 1. – 283 с.

A.Ya. Tsechoev

INTEGRATION OF THE INGUSH INTO RUSSIA IN THE 19TH-EARLY 20TH CENTURIES: A CULTURAL ASPECT

The article deals with the integration of the Ingush into the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. The material and spiritual aspects are emphasised. Special attention is paid to the factors that contributed to the integration processes.

Ingush, cultural integration, role of Russia, economy, religious ideology.